

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Матвеева Алевтина Сергеевна

Эмоции в письмах поздневизантийских интеллектуалов

Специальность – 5.6.2. Всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2025

Диссертация выполнена на кафедре истории средних веков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Научный руководитель — **Заболотный Евгений Анатольевич**, кандидат исторических наук

Официальные оппоненты — **Герд Лора Александровна**, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ведущий научный сотрудник отдела всеобщей истории

Макаров Дмитрий Игоревич, доктор философских наук, доцент, Уральская государственная консерватория имени М.П. Мусоргского, заведующий кафедрой общих гуманитарных дисциплин, профессор

Луховицкий Лев Всеволодович, кандидат филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доцент Института классического Востока и античности Факультета гуманитарных наук

Защита диссертации состоится «26» мая 2025 г. в 16 часов 00 минут на заседании диссертационного совета МГУ.056.2 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119234, Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ, ауд. А-416.

E-mail: vi-dissovet@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3405>

Автореферат разослан «__» _____ 2025 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Е.В. Романова

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования.

Проявления разнообразных спектров человеческой эмоциональности в материальных объектах, текстах, формах коммуникации являются неотъемлемой частью любой культуры прошлого и заслуживают специального исторического изучения. Данное исследование, посвященное эмоциям в письмах поздневизантийских интеллектуалов, призвано продемонстрировать широкий спектр возможностей, которые открывают подходы «истории эмоций» для анализа текстуальных средневековых источников.

Одним из самых востребованных типов писем в поздневизантийской интеллектуальной среде было литературное частное письмо, где коммуникация корреспондентов формировалась на основе позднеантичного концепта эпистолярной дружбы (φιλία)¹. Следование нормам эпистолярной теории и умелое применение риторических техник позволяли автору такого письма демонстрировать уровень своего литературного мастерства, через которое, согласно представлениям ученых византийцев, выражался «образ души» (εἰκόνα τῆς ψυχῆς). Другая популярная модель поздневизантийского эпистолярного общения – духовное наставничество, где эпистолярная коммуникация осуществлялась между духовными отцами и духовными чадами. В ней первостепенными являлись анализ и руководство в отношении душевных переживаний духовного чада, которые осуществлялись с опорой на христиано-византийскую аскетическую традицию.

Типичное письмо поздневизантийского интеллектуала написано риторически оформленным архаизированным языком, наполнено цитатами античных и христианских авторов, многочисленными намеками и аллюзиями, а также весьма ограничено по своему фактическому содержанию. Унаследованные

¹ На сегодняшний день насчитывается более 15 тыс. византийских писем, большинство из которых относится к литературным частным письмам интеллектуалов разных эпох. См.: Grünbart M. L'epistolografia // Lo spazio letterario del medioevo. Le culture circostanti / A cura di G. Cavallo. Rome, 2004. P. 345. Vol. 1: La cultura bizantina.

поздневизантийской эпистолографией литературизация и абстрагирование, выражавшиеся в специфической литературности, неполноте и абстрактности сведений, извлекаемых из писем, традиционно порождали у исследователей интерпретационные проблемы. Вплоть до середины XX в. многочисленные письма византийских интеллектуалов рассматривались как маргинальные источники. Качественному углублению и расширению знаний о византийской эпистолографии способствовало активное изучение со второй половины XX в. различных аспектов византийской эпистолярной практики: эпистолярной теории, эпистолярного церемониала и его риторического компонента, функций и ритуалов эпистолярной коммуникации. Однако запрос на формирование более совершенных интерпретационных моделей, способных дать теоретическое обоснование как самой эпистолярной практике, так и причинам исследовательской фрустрации в отношении частных писем, остается насущным для византистики.

Актуальность данного исследования заключается в том, что в нем конструируется новая интерпретационная модель: с опорой на подходы истории эмоций анализируются эпистолярные эмоции, а также критерии, формировавшие эпистолярный эмоциональный дискурс. Предполагается, что данная аналитическая модель, выстроенная с учетом представлений самих византийцев о литературном письме как о способе транслировать эмоциональные переживания, является наиболее релевантной для исторического анализа интеллектуального византийского сознания, отразившегося в письмах. Исследование нацелено на историческое осмысление эмоций – изучение способов их выражения и определившего эти способы культурного контекста – и не предполагает психологического исследования самих эмоциональных состояний и их разделения на подлинные и имитативные. Под эпистолярными эмоциями понимаются текстуальные выражения чувств, переживаний и психических состояний.

Степень разработанности темы исследования. Византийская эпистолография привлекала внимание исследователей уже на этапе оформления византистики как самостоятельной научной дисциплины (кон. XIX – нач. XX вв.). Ученые-позитивисты (В.И. Барвинок, Ф. Дельгер, М. Трой, К. Крумбахер)

отмечали низкую информативность византийских писем: высокий уровень риторизации византийских посланий и их литературная вычурность не всегда позволяли однозначно вычленить ценный фактический материал, а систематическое воспроизведение эпистолярных топосов затрудняло изучение внутреннего мира византийского эпистолога. Феномен деконкретизации, намеренного избегания точности в передаче фактов, был определен как основополагающая черта византийской эпистографии и лег в основу концепции М. Троя, позволявшей историкам рубежа XIX–XX столетий объяснить причины неполноценности византийских литературных писем как источника. Под влиянием идей структурализма и семиотической теории в 1950–1960 гг. концепция деконкретизации прошла несколько этапов модификации; риторический компонент письма стал рассматриваться в качестве знаковой системы, отразившей особенности коммуникации в среде византийских интеллектуалов (Г. Карлссон, Г. Хунгер)². К этой линии развития историографии можно отнести монографию советского и российского византиста В.А. Сметанина (1987 г.), в которой риторический компонент анализируется во взаимосвязи с социально-экономическими особенностями поздневизантийского общества³. Тенденция, заложенная М. Троем, не стала доминирующей. Критикуя и одновременно развивая концепцию деконкретизации, греческий филолог И. Сикутрис в обзорной статье (1931 г.) предложил исследовать литературные письма как культурный феномен, подчеркнув, что было бы целесообразнее сконцентрироваться не на фактологическом материале византийского письма, а на интерпретации заложенных в нем смыслов⁴.

Активная публикация коллекций крупных византийских эпистографов (Михаил Пселл, Никифор Григора, Мануил Гавра, Димитрий Кидонис, Мануил II Палеолог) в 1940–1970-х гг. способствовала актуализации данной части

² Karlsson G. *Idéologie et cérémonial dans épistolographie byzantine. Textes du Xe siècle analysés et commentés*. Uppsala, 1962; Hunger H. *Prooimion: Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Ären der Urkunden*. Wien, 1964. S. 15–48.

³ Сметанин В.А. *Византийское общество XIII–XV вв. (по данным эпистографии)*. Свердловск, 1987.

⁴ Sykutris J. *Epistolographie* // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* / Eds. G. Wissowa, W. Kroll. Stuttgart, 1931. Supplbd V. S. 185–220.

византийского текстуального наследия (исследования В. Лорана, И. Шевченко, Г. Фатураса, Дж. Денниса и других). Изучение эпистолографии развивалось в русле интеллектуальной истории Византии, которая с рубежа 1960-х–1970-х гг. (классические труды о византийской интеллектуальной литературе Г.-Г. Бека, Г. Хунгера, С.С. Аверинцева, А.П. Каждана) стала одним из основных трендов византиноведческих штудий, что способствовало закреплению исследовательской линии И. Сикутриса и формированию более нюансированной интерпретации литературного византийского письма (Г. Хунгер)⁵. В контексте данного исследования следует особо выделить исследования Ф. Тиннефельда и Р. Браунинга о византийской модели воспитания и образования, труды И. Шевченко и Т.В. Куш о сообществе поздневизантийских интеллектуалов и разработки И.П. Медведева и М.А. Поляковской о формах интеллектуального общения. Существенный вклад в эту область был внесен Г. Хунгером, А.А. Чекаловой и М.А. Поляковской, которые изучали взаимоотношения интеллектуалов и власти, И.П. Медведевым, исследовавшим гуманистические тенденции в поздней Византии, Д. Ангеловым и Т. Киусопулу, проанализировавшими интеллектуальную идеологию.

Исследователи 1970–1980-х гг. актуализировали взаимосвязь литературного, социального, образовательного и эмоционального компонентов византийской эпистолярной практики. Изучение писем в контексте теории дара (М. Маллет) и эстетики византийского письма (Э. Литлвуд), а также концепта эпистолярной дружбы (Я.Н. Любарский) позволило уточнить специфику формирования социальных связей в кругу византийских эпистолографов⁶. В дальнейшем «социология эпистолографии» стала одним из наиболее плодотворных направлений, особенно для средневизантийского периода (М. Маллет,

⁵ Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd 1: Philosophie. Rhetorik. Epistolographie. Geschichtsschreibung. Geographie. S. 214–233.

⁶ Mullett M. The Classical Tradition in the Byzantine Letter // *Byzantium and the Classical Tradition* / Eds. M. Mullett, R. Scott. Birmingham, 1981. P. 75—93; Littlewood A.R. An 'Ikön of the Soul': The Byzantine Letter // *Visible Language*. 1976. Vol. 10. 197–226; Любарский Я.Н. Михаил Пселл. Личность и творчество. К истории византийского предгуманизма. М., 1978. Переизд.: Любарский Я.Н. Михаил Пселл. Личность и творчество // *Две книги о Михаиле Пселле: Безобразов П.В. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл; Любарский Я.Н. Михаил Пселл. Личность и творчество*. СПб., 2001. С. 183–542.

М. Грюнбарт, Ф. Бернард), в меньшей степени для ранне- и поздневизантийского времени (А. Шор, А. Риле).

В последнее десятилетие XX в. – нач. XXI в. произошел окончательный отказ от сугубо фактологического анализа византийских писем. Внимание исследователей к риторическому компоненту и структуре письма позволило уточнить не только особенности эпистолярного этикета, но и его взаимосвязь с социальной динамикой византийского общества (М. Грюнбарт, В. Саррис, Ф. Тиннефельд, А. Риле, И. Таксидис, Д.А. Черноглазов)⁷. Вышедший в 2020 г. коллективный труд⁸ отразил основные достижения в области изучения византийской эпистолографии и актуальные исследовательские темы: риторический компонент литературных писем (С. Коцабасси); феномен дружбы (Э. Бурбухакис); культура эпистолярной коммуникации и интеллектуальных практик (Ф. Бернард, Н. Гауль); философия в письмах (Д. Манлова); эпистолография и дипломатика (А. Бейхаммер). Тем не менее остается ряд важных тематических лакун, среди которых следует назвать духовные письма византийских интеллектуалов, женскую эпистолографию и эпистолярные эмоции, слабо исследованные в современной науке.

Духовные эпистолярные коллекции не изучались систематически и совместно с интеллектуальной эпистолографией, которая традиционно была исследовательским полем византинистов-филологов, фокусировавшихся прежде всего на античном компоненте византийского образования и интеллектуальной жизни византийцев. Духовные послания привлекали внимание исследователей религии и дидактической литературы, причем последняя в большей степени анализировалась в контексте истории образования (К. Константи́нидис, П. Агапитос, В. Хэранднер, Д.А. Черноглазов, Ф. Леонте). Исследователи

⁷ Grünbart M. Formen der Anrede im byzantinischen Brief vom 6. bis zum 12. Jahrhundert. Wien, 2005; Tinnefeld F. Die Briefe des Demetrios Kydones: Themen und literarische Form, Wiesbaden 2010; Riehle A. Funktionen der byzantinischen Epistolographie. Studien zu den Briefen und Briefsammlungen des Nikephoros Chumnos (ca. 1260–1327). PhD Dissertation, Die Ludwig-Maximilians-Universität München. München, 2014; Ταξίδης Η. Μάξιμος Πλανούδης. Συμβολή στη μελέτη του corpus των επιστολών του. Θεσσαλονίκη, 2012; Черноглазов Д. А. Трактат «Эпистолярные стили» Псевдо-Либания и его позднейшие версии: византийские письмовники и их практическое применение: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.14. СПб., 2021.

⁸ A Companion to Byzantine Epistolography / Ed. A. Riehle. Leiden; Boston, 2020.

обращались к отдельным духовным перепискам (В. Лоран, А. Риго, А. Хироу, Л.Ю. Костогрызова) и к ряду частных аспектов духовного эпистолярного наставничества (М. Маллет, М. Грюнбарт). Поставленная в данной диссертации задача вписать поздневизантийскую духовную практику в более широкий контекст формирования и бытования феномена духовного византийского письма задала необходимость обращения к исследованиям, авторы которых разрабатывали трансформацию позднеантичных паренетических техник в дискурсе раннехристианского наставления и проповеди (А. Малерб, О.В. Алиева, А. Хейзенга), изучали раннехристианские корреспонденции, в том числе особенности эпистолярного стиля ап. Павла (Б. Мецгер, Т.Й. Бауэр, М. Уитентон, В. Доти) и его влияние на последующую монашескую эпистолографию (С. Рубенсон, введение Ф. Ней и П. де Анжелис-Ноа к критическому изданию писем Варсонофия Великого и Иоанна Пророка). Жанровая характеристика духовных писем была сформулирована с учетом разработок А.Н. Смолиной, проведшей комплексный лингвистический анализ традиции православной духовной эпистолографии на русском материале нового и новейшего времени.

До настоящего времени отсутствуют концептуальные и обобщающие работы об институте духовного наставничества в средне- и поздневизантийский период. Вследствие этого был проанализирован широкий круг работ, посвященных генезису и развитию института духовного отцовства в Византии с учетом самых значимых аспектов его формирования: позднеантичной практики психагогии в философских школах (А. Малерб, П. Адо, В. Йегер, И. Адо), рецепции позднеантичного нравственного наставничества в христианском аскетизме (П. Браун, Я. Севенстр, Г. Стерлинг), оформления монашеской пайдеи (К. Рапп, К. Бей, коллективная монография под редакцией С. Рубенсона и Л. Ларсен); оформления института духовного отца в раннемонашеских и раннехристианских общинах (С.И. Смирнов, И. Хаушер, П. Дилли, Дж. Димакопулос, Дж. Зехер). Изучались отдельные аспекты византийского духовного наставничества: практика несакраментальной исповеди у монахов-духовников (Й. ван Россум, Д. Краусмюллер), традиционные роли духовного отца (митр. Каллист (Уэр)).

Проблематизация творений византийских женщин-эпистографов и интерпретация их взаимодействия с мужчинами-корреспондентами проводились мною в русле достижений византийских гендерных исследований. Помимо ставших уже классическими трудов А. Лайу, Э. Патлажан, Дж. Херрин, А.-М. Толбот, Л. Джеймс, Х. Мессиса, важными для концептуального и более нюансированного осмысления гендера, сексуальности и идентичности в Византии стали монография Л. Невил и коллективные монографии последних лет⁹. Темы женского авторства в Византии и участия женщин в византийской интеллектуальной жизни затрагивались в работах Л. Невилл, М. Мавруди, А. Риле. Разработки В. Лорана, А. Хироу, Л. Костогрызовой, А. Риго, М.-Э. Бланше дали ценный сравнительный материал для контекстуализации поздневизантийских женско-мужских духовных переписок в русле традиции христианского наставления женщинам. Вопрос о реконструкции образа поздневизантийской женщины-эпистографа решен, однако, лишь частично: исследователи фокусировались на отдельных женщинах-эпистографах (А. Риле, С. Коцабасси), вписывая женскую эпистолярную активность в более широкий социокультурный и политический контекст (А.П. Каждан и А.-М. Толбот, К. Николау, О. Изотова), но не обращались к комплексному изучению византийских женско-мужских корреспонденций.

Были использованы как основные теоретические работы в области истории эмоций (Л. Февр, П. и К. Стернесы, У. Редди), так и разработки разнопрофильных специалистов-гуманитариев: историков Я. Плампера и Б. Розенвейн, антрополога К. Лутс, лингвиста А. Вежбицкой, культуролога Э. Шуза. Анализ античных теорий эмоций был невозможен без учета результатов, полученных антиковедами М. Нуссбаум, О. Рено, Д. Констаном, Д. Кэрнсом. Трансформация античных представлений о чувствах под влиянием христианства была охарактеризована с

⁹ Emotions and Gender in Byzantine Culture / Eds. S. Constantinou, M. Meyer. Cham, 2018; The Routledge Handbook on Identity in Byzantium / Eds. C. Whately, D. Parnell, M. Stewart. L.; N.Y., 2022; The Routledge Handbook of Gender and Sexuality in Byzantium / Eds. M. Meyer, Ch. Messis. L.; N.Y., 2024.

опорой на работы С.С. Аверенцева, И. Хаушера, С. Кнууттилы, С. Бартона, П. Блоуэrsa.

Одним из первых византиноведов, обратившихся к теме византийских чувств, был искусствовед Г. Магуайер, выпустивший в 1977 г. статью о репрезентации печали в средневизантийской иконографии, однако исследования текстуальных византийских эмоций в русле истории эмоций появились значительно позже, в 2010-х гг. Новую перспективу открыла статья М. Хинтербергера¹⁰, а затем Э. Меллас, Б. Лейерле, И. Вассис и другие¹¹ обратились к исследованию взаимосвязи тела, гендера, чувств, религии, политики и литературы. Изучались также и некоторые эмоциональные аспекты византийской эпистолографии: связь позднеантичного процесса риторизации и выражения эпистолярных чувств в греческих папирусных письмах ранневизантийского Египта (А.Б. Ковельман); внутренний мир интеллектуала-эпистолога (М.А. Поляковская, Д.А. Черноглазов, С. Папаиоанну), жанр утешительных писем (Э. Литлвуд, В.А. Саррис). На материале ряда эпистолярных коллекций специалисты анализировали взаимосвязь тела и эмоций: болезни (М.В. Бибииков, П. Тиблалекси, Д.А. Черноглазов), смех и иронию (Ф. Бернард, Т.В. Куш, Д.А. Черноглазов). Однако византийские эпистолярные эмоции и, в частности, эмоции поздневизантийских писем еще не становились предметом комплексного изучения.

Основу **источниковой базы исследования** составляют пять поздневизантийских эпистолярных коллекций, которые приводятся далее в хронологическом порядке их создания:

1. коллекция Феодоры Раулены: 34 литературных частных письма пяти значимых интеллектуалов раннепалеологовского периода (патриарх Константинопольский Григорий II Кипрский (1241–1290), Никифор Хумн (ок. 1250/55–1327), Мануил Оловол (ок. 1245–1310/14), Максим Плануд

¹⁰ Hinterberger M. *Emotion in Byzantium // A Companion to Byzantium* / Ed. L. James. Malden, 2010. P. 123–134.

¹¹ *Greek Laughter and Tears: Antiquity and After* / Eds. M. Alexiou, D. Cairns. Edinburgh, 2017; *Knowing Bodies, Passionate Souls: Sense Perceptions in Byzantium* / Eds. S. Harvey, M. Mullett. Wash., 2017; *Managing Emotion in Byzantium: Passions, Affects and Imaginings* / Eds. S. Harvey, M. Mallet. L., 2022.

(ок. 1255 – ок. 1305), Константин Акрополит (между 1250 и 1255 – до мая 1324)), адресованных писательнице протовестиариссе Феодоре Раулоне (ок. 1240–1300)¹²;

2. **письма Феолипта Филадельфийского к Ирине Хумнене:** 5 духовных посланий митрополита Филадельфийского Феолипта (ок. 1250–1322) к писательнице Ирине-Евлогии Хумнене (ок. 1292–после 1355)¹³;

3. **переписка Григория Акиндина и Ирины Хумнены:** духовная переписка Григория Акиндина и Ирины-Евлогии Хумнены (ок. 1300–1348) (22 письма)¹⁴;

4. **коллекция Николая Кавасилы:** коллекция литературных частных посланий поздневизантийского писателя Николая Кавасилы (между 1319 и 1323 – после 1397) (18 писем Кавасилы и 12 писем от его 5 адресатов-интеллектуалов)¹⁵;

5. **коллекция писем митрополита Халкидонского к Евлогии:** 14 неизданных духовных писем некоего митрополита Халкидонского к монахине Евлогии (середина – вторая половина XIV в.)¹⁶.

Данная источниковая база включает 105 писем, датируемых периодом с 1270-х до 1390-х гг., авторами которых являются 14 поздневизантийских эпистолографов. 64 письма данной выборки относятся к типу литературного частного письма, 41 письмо является примером духовной поздневизантийской эпистографии. 30 писем данной выборки созданы в рамках эпистолярного общения, где адресат и адресант были мужчинами. 67 посланий написаны от лица мужчины к женщине-корреспонденту. В выборку были включены все известные поздневизантийские письма женского авторства – 8 писем, составленные Ириной

¹² Kotzabassi S. Scholarly Friendship in the Thirteenth Century: Patriarch Gregorios II Kyprios and Theodora Raoulaina // Parekbolai. 2011. Vol. 1. P. 115–170; Νικηφόρου τοῦ Χοῦμνου Ἐπιστολαί // Anecdota Nova / Éd. J.F. Boissonade. P., 1844. Ep. 76, ep. 77; Kotzabassi S. Manuel Holobolos' Letter of Consolation to Theodora Raoulaina // Parekbolai. 2020. Vol. 10. P. 151–160; Maximi Monachi Planudis Epistulae / Ed. P.A.M. Leone. Amsterdam, 1991. Ep. 68; Costantino Acropolita. Epistole / A cura di R. Romano. Napoli, 1991. P. 99–103.

¹³ Hero Constantinides A. The Life and Letters of Theoleptos of Philadelphia. Brookline (Mass.), 1994.

¹⁴ Hero Constantinides A. A Woman's Quest for Spiritual Guidance: The Correspondence of Princess Eulogia Choumnaina Palaiologina. Brookline (Mass.), 1986.

¹⁵ Enepekides P. Der Briefwechsel des Mystikers Nikolaos Kabasilas // BZ. 1953. Bd. 46. S. 18–46; Correspondance de Nicolas Cabasilas / Éd. M.-H. Congourdeau. P., 2010.

¹⁶ Chalcedonensis metropolitæ monita ad filium suum spiritualem: Κυρία μου ἁγία... Paris. Bibliothèque Nationale de France. Grec. 1372. Fol. 155–170v.

Хумненой. Данный круг эпистолярных источников включает в себя письма, соответствующие следующим значимым для исследования критериям: а) интеллектуальная переписка в рамках модели «ученой дружбы»; б) духовная эпистолография, отражающая функционирование модели духовного наставничества; в) переписка между корреспондентами разного пола и корреспондентами одного пола.

Авторами писем являются как блестящие столичные интеллектуалы первого порядка, так и провинциальные эпистолографы с более скромными достижениями. Коллекция Феодоры Раулены была сформирована мною в ходе исследования для изучения роли женщины-эпистолографа в интеллектуальном сообществе через обращенные к ней письма мужчин-интеллектуалов. Корреспонденция Николая Кавасилы была выбрана как типичная поздневизантийская корреспонденция мужчины-эпистолографа, где на компактном материале стало возможным выявление типичных способов выражения эпистолярных эмоций. Выбранные три коллекции женско-мужских духовных корреспонденций (2, 3 и 5) являются репрезентативными для изучения эпистолярного наставничества духовника в отношении духовной дочери, поскольку они наиболее полно из всего фрагментарно сохранившегося поздневизантийского материала отражают общение в формате реальных переписок. В источниковую базу сознательно не были включены поздневизантийские переписки между духовными отцами и духовными сыновьями, поскольку данное исследование приоритизирует взаимодействие эпистолографов разного пола.

В ходе исследования проводилось систематическое сопоставление изучаемых коллекций с широким кругом греческих писем разных эпох с целью контекстуализации поздневизантийских переписок: дидактические античные письма (письма «пифагорейских» женщин, письма Эпикура, письма Сенеки к Луцилию), новозаветные апостольские послания, монашеские ранневизантийские письма (послания Антония Великого, корпус писем Варсонофия Великого и Иоанна Пророка), литературные и духовные византийские письма (Феодор Студит, Михаил Пселл, патриарх Константинопольский Афанасий I, Матфей Эфесский),

ранневизантийские женские письма из египетского культурно-географического региона. Античные и византийские эпистолярные трактаты («Типы писем» Псевдо-Деметрия, «Эпистолярные стили» Псевдо-Либания и его позднейшие византийские версии) позволили проанализировать византийскую эпистолярную теорию и роль эмоций в ней. Для анализа античных и византийской теории эмоций привлекались сочинения античных философов (Платон, Аристотель, Сенека), античные медицинские трактаты (Гален), сочинения отцов Церкви (Иоанн Златоуст, Василий Великий, Григорий Нисский, Евагрий Понтийский, Иоанн Дамаскин, Максим Исповедник) и христианских философов (Лактанций, Немесий Эмесский), византийская гимнография (Андрей Критский, Роман Сладкопевец, Кассия Константинопольская). Концептуализация практики духовного наставничества задала необходимость обращения к византийской монашеской литературе (Изречения египетских отцов, Лествица, Митерикон аввы Исайи, сочинения Макария Египетского и Симеона Нового Богослова), а для более углубленной интерпретации византийской модели наставничества в отношении женщин – к ряду ранне- и средневизантийских женских житий. Для детализации конкретных событий поздневизантийской истории я обращалась к сочинениям поздневизантийских историков (Пахимер, Никифор Григора).

Объектом исследования является поздневизантийская интеллектуальная эпистолярная культура.

Предмет исследования составляют текстуальные эмоции, которые поздневизантийские интеллектуалы выражали в письмах, обращенных как к мужчине-эпистологу, так и к женщине-эпистологу.

Целью исследования является выявление основных моделей для выражения эмоций и основных критериев, формировавших эпистолярный эмоциональный дискурс в поздневизантийских литературных и духовных письмах, адресатами и адресантами которых выступали эпистологи обоюбого пола.

Для достижения этой цели были поставлены **следующие задачи:**

1. выявить основные особенности византийской теории эмоций (совокупность представлений о чувствах, их природе, их классификации, способах выражения и оценивания);
2. определить содержание и функции эпистолярных эмоций в поздневизантийских литературных частных письмах в контексте практик, присущих эмоциональному сообществу поздневизантийских интеллектуалов;
3. охарактеризовать византийскую традицию духовной эпистолографии;
4. на материале поздневизантийских духовных женско-мужских корреспонденций проанализировать духовное наставничество как модель эпистолярного общения, влиявшую на способы выражения эмоций.

Хронологические рамки исследования ограничены временем создания писем из сформированной источниковой базы. Нижняя граница датируется временем самых ранних сохранившихся писем, адресованных Феодоре Раулоне, – 70-е гг. XIII в. Верхняя граница проходит в соответствии с датой самых поздних посланий из корреспонденции Николая Кавасилы – начало 90-х гг. XIV в. Обращение к более ранним эпохам как античной истории, так и истории Византии обусловлено интерпретационной стратегией работы.

Географические рамки исследования ограничиваются местом нахождения адресатов и адресантов писем из сформированной источниковой базы: западная и восточная часть византийского государства Палеологов во второй половине XIII в. – конце XIV в.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что в нем конструируется более объемный и целостный взгляд на интеллектуальную поздневизантийскую эпистолярную продукцию с акцентом на трех малоизученных сторонах поздневизантийской эпистолярной практики: эпистолярных эмоциях в литературных частных письмах; аффективном компоненте духовной эпистолографии; эпистолографической активности женщин. **Проблематика** данного исследования включает в себя два взаимосвязанных вопроса: как византийцы выражали эмоции в письмах (литературных и духовных) и какие факторы (модель общения, гендер корреспондента и т.д.) определяли эти способы

выражения. Сформулированная проблематика позволяет преодолеть во многом искусственное историографическое разделение между литературными частными и духовными письмами. Обе категории писем являлись продуктом византийского интеллектуального сознания и отражали его разные грани: античную традицию и христианскую идеологию. Причем и в духовных, и в интеллектуальных письмах проявления этих двух граней переплетались как на уровне содержания, так и на уровне самого построения эпистолярного нарратива. Актуализация эмоций дает возможность изучить эпистолярную практику в ее единстве и приоритизирует ее антропологический анализ.

Методологические основы исследования включают в себя методы исторической науки и смежных гуманитарных наук. К первым относятся основные принципы исторической науки (историзм, объективность, системность) и специально-научные методы (историко-типологический, историко-сравнительный, структурный).

Ко вторым относятся методики филологического анализа и принципы нарратологии, необходимые для изучения места и функции эпистолярной эмоции в поздневизантийском письме. На основе работ, посвященных применению методов нарратологии на греческих античных и византийских источниках (И. Нильссон, коллективная монография под редакцией М. де Баккера, Б. ван ден Берг и Ж. Клостер), мною был выработан подход для изучения текстуальных эмоций как особых структур эпистолярного нарратива. Культурно-антропологический анализ текстуальных эмоций потребовал широкого привлечения теорий гуманитарных наук (социологии, антропологии, культурологии) о человеческих эмоциях для определения эмоции как категории исторического анализа. В контексте настоящего исследования важной оказалась сформулированная медиевисткой Б. Розенвейн концепция «эмоциональных сообществ» (*emotional communities*), согласно которой эмоции неразрывно связаны с коммуникативными практиками. Применение данной исследовательской оптики к сообществу поздневизантийских интеллектуалов помогло по-новому оценить роль тех коммуникативных практик, которые подтверждали принадлежность ученых византийцев к этому сообществу.

Изучение гендерных отношений через эпистолярные тексты стало поводом для обращения к гендерной лингвистике, в частности к анализу языковых маркеров, позволяющих выявлять отношение адресанта-мужчины к гендеру адресата-женщины. При работе с византийскими рукописями использовались методики вспомогательных исторических дисциплин (палеографии и кодикологии).

Теоретическая значимость работы. Анализ текстуальных эмоций поздневизантийской эпистолографии с применением подходов истории эмоций позволил разработать методологию и набор исследовательских стратегий, которые могут быть полезны для последующего углубленного изучения эмоций в византийских источниках разных жанров.

Историческая проблематизация эмоций поздневизантийских писем дополняет и модифицирует сложившуюся в историографии картину поздневизантийской эпистолярной культуры и византийской интеллектуальной культуры в целом в отношении одного из слабо разработанных ее аспектов – эмоций. Результаты синхронного изучения литературных и духовных писем углубляют современные научные представления о взаимосвязи «секулярного» и «религиозного» компонентов в византийской интеллектуальной культуре.

Полученные выводы об античных и византийской теориях эмоций могут быть использованы в исследованиях, посвященных проблемам средневековой интеллектуальной рефлексии о человеческих чувствах.

Данные об эпистолярной активности поздневизантийских женщин важны для последующего изучения роли византийских женщин в интеллектуальных практиках и в целом женского авторства в Византии.

Практическая значимость. Материалы диссертационного исследования могут быть использованы в преподавании, в том числе для подготовки лекционных курсов и семинаров по истории средних веков, истории Византии и истории церкви, для спецкурсов, посвященных проблемам истории эмоций и гендерной истории, а также для написания обобщающих трудов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Применение подходов истории эмоций к частным письмам поздневизантийских интеллектуалов позволило сформировать действенную объяснительную модель, в которой текстуальные эмоции были проанализированы как исторический и социокультурный феномен. Регламентированное выражение эмоций и их обсуждение было принципиально значимой составляющей поздневизантийского эпистолярного нарратива. Именно специфика построения эмоционального нарратива в литературных частных и духовных письмах становилась препятствием для исследователей-позитивистов на пути к их более глубокому осмыслению и создавала предпосылки для интерпретационной фрустрации.

2. В частных письмах поздневизантийские эпистолографы регламентировано выражали душевные переживания и систематически рефлексировали об эмоциях, что было неотъемлемой частью риторического инструментария, сформированного на базе позднеантичной эпистолярной теории и дискурсивных практик, присущих поздневизантийским коммуникативным эпистолярным моделям. Способы выражения эпистолярных эмоций определялись: позднеантичной эпистолярной теорией; античными теориями эмоций; аскетической христиано-византийской теорией эмоций; гендером корреспондента. Для литературных частных писем была характерна модель «ученой дружбы», в которой базовые эмоции были сформулированы на основе эпистолярных топосов. Для духовных писем была характерна модель духовного наставничества, в которой эмоции осмыслялись согласно византийской аскетической теории эмоций.

3. Эпистолярные топосные эмоции литературного частного поздневизантийского письма были сформированы античным эпистолярным концептом дружбы (φιλία). Четыре эмоциональных эпистолярных топоса, которые можно объединить в две антонимические пары, были определены мною как основные. Первая пара – радость (ἡδονή) от получения письма и печаль (λύπη) из-за отсутствия письма. Вторая пара – восхищение (θαυμασμός) стилем адресата и стыд (αἴσχος) адресанта за собственное риторическое искусство. Эмоции в первой

паре относятся к базовым человеческим чувствам, требующим отклика у тех, к кому они обращены. Эмоции второй пары можно классифицировать как реакции на произошедший контакт. Данные топосные эмоции создавали импульс для развития эпистолярного общения, выступая в качестве важнейших коммуникативных инструментов, позволявших двум интеллектуалам, пусть даже и незнакомым лично, установить и развить эффективную соответствующую их среде коммуникацию.

4. Выражение эмоций в поздневизантийских духовных переписках определялось ролями корреспондентов и уровнем их осведомленности в византийском аскетическом учении о страстях. Духовник-эпистограф создавал эмоциональный компонент эпистолярного нарратива в соответствии со своими пятью функциями (врач, советчик, ходатай, поручитель, посредник), которые были сформированы традицией духовного наставничества в Византии. Он диагностировал и классифицировал эмоции как страсти, искал способы их лечения и управления ими. Духовное чадо выражало свои эмоции в форме исповеди и в форме запроса о способах борьбы с тем или иным греховным состоянием. Свои чувства друг к другу корреспонденты определяли через понятие духовной любви (*ἀγάπη πνευματική*). Типичным проявлением духовной любви для духовных эпистографов становилась систематическая обоюдная молитва.

5. Коммуникативные эпистолярные модели «ученой дружбы» и духовного наставничества позволяли женщинам включаться в эпистолярную коммуникацию, однако их гендерная инаковость становилась предметом специального осмысления для мужчин-корреспондентов, что выражалось в мотиве необходимости преодоления женской природы для женщины-корреспондента, в том числе и ее эмоциональности. Для дискурса литературного письма было характерно повышение статуса женщины-корреспондента до мужского через приписывание женщине мужских качеств-добродетелей. В духовных письмах преодоление женской природы и присущих ей слабостей становилось одной из подвижнических задач женщины-монахини.

6. Позднеантичная эпистолярная теория заложила в византийской эпистолярной практике основы терапевтической рефлексии об эмоциях. Носившая скорее теоретический, а не практический характер классификация писем по типам чувств, в них выражающихся (утешительное, укоризненное, сострадательное письмо), она давала модели для описания и ограничения сильного эмоционального переживания: горя, гнева, печали. Эмоциональная терапия была одной из главных задач духовных переписок: стандартной практикой являлось перечитывание письма духовного наставника, где происходили обсуждение греховных чувств и поиск их излечения.

Апробация исследования.

Основные положения диссертационного исследования были отражены в 4 научных статьях автора общим объемом 4,7 п.л., опубликованных в журналах, индексируемых в базе ядра Российского индекса научного цитирования «eLibrary Science Index», а также в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 5.6.2. Всеобщая история.

Результаты исследования были представлены в докладах на международных и всероссийских конференциях: «Emotions, Identity and the Self», Autumn 2022 Seminar Series, Late Antique & Medieval Postgraduate Society, University of Edinburgh, Эдинбург, 2022), «Shifting Paradigms: Women, Rhetoric, and Power c.700–1300 CE» (London Global Gateway, University of Notre Dame in England, Лондон, 2024); XXIII Византийской научной сессии византинистов РФ «Orbis terrarum Byzantinus» (Судак, 2022); XXVI Всероссийской научной конференции по антиковедению и медиевистике студентов, аспирантов, молодых ученых «Древняя и средневековая Европа: социально-политическое и культурное разнообразие» (ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ярославль, 2023), Всероссийской палеографической конференции «Обычное письмо: проблемы изучения. К 85-летию со дня рождения Б.Л. Фонкича и В.Н. Малова» (ИВИ РАН, СПбИИ РАН, Москва, 2023), «Женщины во власти в Средние века и раннее Новое время: К 550-летию коронации Изабеллы Кастильской» (ИВИ РАН, Москва, 2024), а также в период пребывания в Летней школе средневекового греческого языка (The Medieval Greek Summer Session) на

базе Американской школы античных исследований в Афинах (The American School of Classical Studies at Athens) в июле 2023 г. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории средних веков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в октябре 2024 г.

Основное содержание работы

Структура работы построена по проблемному принципу. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографии. Во **введении** сформулированы основные цели и задачи диссертации, определены предмет и объект исследования, обоснованы актуальность и научная новизна работы, сформулирована проблематика исследования, установлены его хронологические и географические рамки, охарактеризованы методологическая база, теоретическая и практическая значимость. Также представлены структура работы, этапы ее апробации и сформулированы положения, выносимые на защиту. После этого дается подробная характеристика источниковой базы исследования, сформированной для решения поставленной научной проблемы, представлена историография по теме исследования, определена степень разработанности темы и ее отдельных аспектов.

В **первой главе «Эмоции и византийская текстуальная культура»**, состоящей из трех параграфов, даются теоретические основания для последующего анализа эмоций на поздневизантийском материале. В *первом параграфе* (§ 1.1) проанализированы современные подходы истории эмоций, сформулировано определение термина «эмоция» как категории исторического анализа. В контексте социальных наук эмоции человека – проекции его психологических переживаний в социальном пространстве – трактуются как социокультурный феномен. Несмотря на общечеловеческую биологическую способность испытывать эмоции, выражения и оценивания эмоций всегда зависят от исторического и социокультурного контекста.

Второй параграф (§1.2) представляет собой краткий обзор основных античных теорий эмоций, которые были актуальны и применимы в среде поздневизантийских интеллектуалов-эпистолографов. В пространстве античной философии сосуществовали несколько авторитетных теорий эмоций. Важнейшими из них для последующей средневековой традиции стали: платоническая теория трехчастной души и идея противопоставления чувств рациональному началу человеческой души; социальная трактовка страстей у Аристотеля, установившего взаимосвязь между эмоциями, когнитивной оценкой и формирующим их социальным контекстом; учение школы стоиков о страстях как о специфических человеческих суждениях, препятствующих достижению идеального состояния души (εὐπάθεια, εὐδαιμονία). *В третьем параграфе (§1.3)* дана общая характеристика и определены основные параметры византийской теории эмоций, возникшей на основе синтеза античных философских представлений о человеческих чувствах и христианского учения о природе человека. Христиановизантийская аскетическая традиция переосмыслила античную философскую и медицинскую терминологию об эмоциях и сформировала новую иерархию чувств. Понятие «страсть» (πάθη) стало включать в себя как добродетели и положительные для христианина переживания (любовь, сострадание, смирение), так и грехи и греховные поступки. Византийская категория πάθη не ограничивалась только чувствами (гнев, страх, жалость), но включала желания (жадность, похоть), физиологические потребности (голод и жажда), формы человеческого поведения (например, грубость и болтливость).

Вторая глава «Эмоции в эпистолярной культуре поздневизантийских интеллектуалов», включающая в себя два параграфа, посвящена изучению эпистолярных эмоций в переписках Николая Кавасилы и Феодоры Раулены, двух представителей поздневизантийского интеллектуального сообщества. *В первом параграфе (§2.1)*, в который входят два подпараграфа, на примере биографий двух интеллектуалов разного пола сообщество поздневизантийских интеллектуалов было рассмотрено через призму концепции Б. Розенвейн «эмоциональное сообщество». В первом подпараграфе (§2.1.1) выделены черты, присущие

эмоциональному сообществу поздневизантийских интеллектуалов, и проанализирована биография Николая Кавасилы. Во втором подпараграфе (§2.1.2) на материале биографии Феодоры Раулены произведен анализ поведенческих моделей и ролей, которые женщина-интеллектуалка могла реализовывать в изучаемом эмоциональном сообществе. Во втором параграфе (§2.2), состоящем из трех подпараграфов, исследована теория и практика написания литературных писем, которые существовали внутри эмоционального сообщества поздневизантийских интеллектуалов-эпистографов. В первом подпараграфе (§2.2.1) дана краткая характеристика византийской эпистолярной теории в целом и конкретно в отношении аспектов, влиявших на текстуальную эмоциональность писем. Второй подпараграф (§2.2.2) посвящен анализу эпистолярных эмоций в коллекциях Николая Кавасилы и Феодоры Раулены. На основе писем из этих коллекций выделены эмоциональные эпистолярные топосы – типичные эпистолярные эмоции в нарративе литературных частных писем. В коллекциях Раулены и Николая Кавасилы были выявлены следующие топосные эмоции: 1) выражение радости от получения письма; 2) печаль по поводу физического отсутствия корреспондента/отсутствия письма; 3) восхищение литературным мастерством друга; 4) стыд эпистографа за собственное риторическое искусство. Эмоциональные эпистолярные топосы определены не как литературные штампы, которые требовали механического воспроизведения, но как базовые коммуникативные инструменты. Их функция заключалась в том, чтобы дать возможность двум интеллектуалам сформировать условия для эффективной коммуникации. Причем реальная степень интимности дружеской связи, как и истинность чувств, отходила на второй план. Подобный набор топосов мог встречаться как у эпистографов-друзей, так и у корреспондентов, близко знакомых друг с другом, но являвшихся членами одного и того же интеллектуального эмоционального сообщества. Третий подпараграф (§2.2.3) фокусируется на анализе телесных проявлений эмоций и взаимосвязи эпистолярных эмоций и гендера корреспондента. Ученые византийцы в целом не стремились подчеркнуть свои эмоции по отношению друг к другу с помощью

телесных описаний (поцелуев, объятий). Распространенным явлением были подробные описания болезней и горя, сопровождающегося плачем, через которые эпистолограф акцентировал внимание адресата на собственном эмоциональном мире, желая вызвать сочувствие. В соответствии с представлениями византийцев, женщины и мужчины проявляли эмоции по-разному и находились в этом своем природном качестве на разных уровнях социальной одобряемости. Женщины считались более пассивными и менее способными к управлению своими чувствами, тогда как мужчины от природы были более восприимчивыми к техникам эмоционального самоконтроля. Именно мужская эмоциональная модель – умеренность и самоконтроль в выражении чувств, пусть даже и в самых трагичных ситуациях, – являлась наиболее приемлемой для интеллектуалов.

В третьей главе **«Духовное наставничество и духовная эпистолография в Византии»**, состоящей из двух параграфов, анализируются возникновение и развитие феномена духовного наставничества в Византии и его проявления в византийской эпистолярной практике. Воссоздание и суммирование данного контекста на основе ранневизантийских и средневизантийских источников и специальной литературы, посвященной этим периодам, были необходимы для корректного анализа эпистолярных эмоций в поздневизантийских духовных переписках. В первом параграфе (§3.1), включающем два подпараграфа, дана подробная характеристика института духовного наставничества в Византии. В первом подпараграфе (§3.1.1) описан генезис данного института и выделены его основные черты. Монашеское духовное наставничество восходило к практикам обучения в античных философских школах. Часто подобное обучение подразумевало установление особых отношений между учителем и учениками, которые определялись в терминах родства. Помимо античной традиции генезис византийского духовного наставничества был обусловлен влиянием модели отношений мудреца-учителя и учеников, встречающейся в восточной литературе мудрости, в частности, иудейской. Преемственность духовного христианского наставничества наблюдается не только на уровне моделирования, проецирующего семейные отношения (отец – дети), но и в методах взаимодействия. Античный

концепт психагогии или душевождения (ψυχαγωγία) предполагал воздействие на души учеников при помощи риторического искусства, предлагавшего широкий педагогический инструментарий (майевтика, различные формы дидактического жанра, специальные риторические стратегии). Искусство психагогии, популярное во многих позднеантичных философских школах, органично вошло в дискурс апостольского христианского наставления. Во втором подпараграфе (§3.1.2) определены параметры модели общения «духовный отец – духовное чадо», которая лежала в основе эпистолярного общения в духовных переписках. Центральной фигурой ранневизантийского духовного наставничества был старец – духовно опытный монах, который, благодаря истинно подвижнической жизни, приобретал дары Святого Духа и был способен руководить неопытными монахами. В ситуации полного отречения от мира и разрыва всех социальных уз духовник оказывал решающее влияние на конструирование новой идентичности своего духовного чада, помогая ему вести непрерывную борьбу с эмоциями-страстями. Духовный отец в восточной традиции отличался многофункциональностью, которую осмыслили и теоретизировали значимые византийские писатели-аскеты (Иоанн Лествичник, Симеон Новый Богослов). Согласно им, можно выделить пять ролей духовного отца по отношению к духовному чаду: врач (ἰατρός), советчик (σύμβουλος), ходатай (πρεσβευτής), посредник (μεσίτης), поручитель (ἀνάδοχος). Духовник применял исповедь как главное средство исцеления от греха, координировал советами духовную жизнь духовного чада, являлся главным молитвенником, просящим заступления за своего пасомого и восстанавливающим через молитву связь между Богом и духовным чадом, а также выступал как главный ответчик за дальнейшую судьбу души ученика. *Второй параграф* (§3.2), состоящий из четырех подпараграфов, посвящен анализу особенностей византийской традиции духовных писем в рамках функционирования коммуникативной модели духовного наставничества. В первом подпараграфе (§3.2.1) определена роль античного дидактического компонента в последующем формировании византийских духовных писем. Во втором подпараграфе (§3.2.2) дана характеристика раннехристианского эпистолярного

наставления. Наиболее влиятельными для последующей византийской традиции стали послания ап. Павла, где произошли утверждение и закрепление духовного «отцовства» Павла-эпистолога по отношению к его корреспондентам «чадам», переживавшим опыт религиозного обращения. Использование семейной модели неизбежно подчеркивало асимметричность отношений в раннехристианском наставничестве, где духовный лидер становился обладателем особой власти. Третий подпараграф (§3.2.3) посвящен анализу компонента монашеской пайдеи в эпистолярном христианском наставлении. С опорой на павлианский корпус значимые монашеские эпистографы (Антоний Великий, Варсонофий Великий, Иоанн Пророк, апа Шенуте) выстраивали темы, фразеологию и моделировали этикет общения духовника и духовных чад. Четвертый подпараграф (§3.2.4) фокусируется на основных чертах раннехристианской и ранневизантийской традиции наставления в отношении женщин. Запрос на нравственное наставление женщин в эпистолярной форме был актуален уже в античности, о чем свидетельствуют письма «пифагорейских» женщин. Апостольские послания включили женщин-христианок в круг наставляемых и закрепили невозможность для женщины выступать в роли наставницы мужчин. Хотя христианство и проповедовало равенство мужчин и женщин в достижении спасения – в отличие от античной пайдеи, сфокусированной на воспитании идеального мужчины-гражданина, монашеская пайдея была в равной степени открыта для обоих полов – женщина-подвижница в идеале должна была подчиняться мужчине-наставнику. Именно духовные письма становились предпочтительным способом коммуникации между духовными отцами и их духовными дочерьми, что объясняется не только расстоянием между адресатами, но и желанием оградиться от возможного возникновения греховного сексуального влечения. Тем не менее женщины могли быть духовными матерями внутри женских монашеских общин и применять практики духовного наставничества по отношению к младшим инокиням.

В четвертой главе «Духовные отец и дочь: модель эпистолярного управления чувствами», включающей три параграфа, на материале трех

поздневизантийских женско-мужских переписок исследуются способы эпистолярного управления чувствами, сформированные в контексте модели эпистолярного общения «духовник – духовная дочь». В первом параграфе (§4.1), распадающемся на два подпараграфа, способы управления чувствами проанализированы на материале писем Феолипта Филадельфийского к Ирине Хумнене в контексте влияния монашеской пайдеи и традиционных функций духовника на построение эмоциональных структур эпистолярного нарратива в духовных письмах (§4.1.1) и в рамках дискурса наставления и подчинения в женской монашеской общине (§4.1.2). Во втором параграфе (§4.2), состоящем из трех подпараграфов, исследована переписка Григория Акиндина и Ирины Хумнены в следующих аспектах: репрезентация женщины-эпистологафа в контексте выражения регламентированных эмоций (§4.2.1); сочетание ролей духовника-эпистологафа и друга-эпистологафа (§4.2.2); агиографический идеал наставничества мужчины в отношении женщины (§4.2.3). В третьем параграфе (§4.3), включающем один подпараграф, проанализированы неопубликованные письма митрополита Халкидонского к монахини Евлогии. В первом подпараграфе (§4.3.1) изучены эпистолярные стратегии духовника-эпистологафа, направленные на диагностику и лечение страстей. Письма Феолипта Филадельфийского и митрополита Халкидонского дают пример типичного взаимодействия духовника-эпистологафа и духовной дочери-эпистологафа. Наставления духовников сосредоточены на перманентном отслеживании состояния духовной дочери и интерпретации ее духовных переживаний. Лечение духовных недугов происходит не только благодаря методам управления чувствами, сложившимся в христианской антропологии, но и через рассмотрение вопросов духовной жизни учениц в контексте их повседневности. Феолипт выстраивает духовное наставление к Ирине, игуменье константинопольского монастыря Христа Человеколюбца, именно как к духовной матери своих подопечных. Митрополит Халкидонский акцентирует внимание Евлогии на послушании старшим в ее монастыре, но в то же время настаивает на рациональном подходе к монастырскому уставу (пост, молитва, сон, поклоны). В эпистолярной модели «духовный отец – духовная дочь»

возможны тематические колебания, вызванные влиянием статусов корреспондентов на формирование эпистолярного нарратива и смешением дискурсов литературного дружеского и духовного письма. Подобная амбивалентность отчетливо представлена в переписке Ирины Хумнены и Григория Акиндина, где сильное неравенство статусов корреспондентов – знатная патронесса-игуменья и ее протеже, монах скромного происхождения, – способствует размыванию безусловного авторитета духовника-эпистолога в данной эпистолярной паре.

Заключение

В **заключении** подведены итоги исследования и сформулированы выводы.

- 1) Византийская эмоциональная теория, которая являлась основой для представлений поздневизантийских эпистологов об эмоциях, являет собой синтез нескольких философско-религиозных традиций – в первую очередь, античной и иудео-христианской, в которых человеческие эмоции или страсти (πάθη) осмыслялись как важнейшие элементы духовной и социальной жизни индивида. Вопросы о природе и об управлении эмоциями разрабатывались как отдельными влиятельными античными философами, так и в русле конкретных философских направлений. На основе христианского учения о человеческой бессмертной душе была развита новая иерархия чувств, в которой они соотносились либо с добродетелями, либо с грехами. Христианство породило на византийской почве новые, неизвестные античности эмоциональные состояния (умиление, слезный дар), а также сформировало и новое отношение к телесным проявлениям эмоций (слезы, смех).
- 2) Поздневизантийских интеллектуалов следует рассматривать как эмоциональное сообщество, в котором существовали и постоянно воспроизводились нормы выражения и оценивания эмоций, характерные только для его представителей. «Ученую дружбу», участие в «театрах», методы образования (занятия с индивидуальным наставником-другом, самообразование) и

рафинированную интеллектуальную переписку следует классифицировать как эмоциональные практики данного сообщества.

3) Эпистолярные топосные эмоции воспроизводили специфические эмоциональные состояния, которые считывались как проявления эпистолярной дружбы (φιλία). Данные эмоциональные топосы, как правило, ограничивались радостью и печалью, двумя базовыми человеческими чувствами, а также восхищением и стыдом. Топосы были не просто механически воспроизводимой частью ритуала эпистолярного общения, но коммуникативными инструментами в эмоциональном сообществе поздневизантийских интеллектуалов.

4) Эпистолярная «ученая дружба» выполняла роль одного из ключевых механизмов для включения знатной женщины в сообщество интеллектуалов. Через написание литературных писем женщины легитимизировали и подтверждали свое право на участие в жизни интеллектуального сообщества.

5) Принадлежность к женскому и, соответственно, более низкому, по мнению византийцев, полу нуждалась в корректировке. В письмах обнаруживается стремление мужчины-эпистологафа повысить статус референта-женщины, приравняв ее к мужчине. Женская природа женщины-корреспондента и ее эмоциональные аспекты подвергались специфической ревизии – характерным мотивом становится желание подчеркнуть превосходство женщины-интеллектуалки над другими женщинами. Анализ типологии эпистолярных обращений свидетельствует о тенденции приписывания женщине-корреспонденту традиционно «мужских» добродетелей. В духовных письмах преодоление женской природы рассматривалось как необходимый шаг на пути к духовному совершенствованию духовной дочери-эпистологафа.

6) Византийская духовная переписка являлась неотъемлемой частью византийской эпистолярной традиции и должна исследоваться в тесной связи со «светской» эпистолографией. Принципы эпистолярного общения духовных отцов и детей – одного из инструментов духовного наставничества – формировались в ходе развития восточного христианского монашества, в недрах которого были выработаны стандарты наставления и обучения монахов и мирян. Эпистолярное

духовное наставничество женщин характеризовалось важнейшей гендерно определяемой чертой: женщина могла получать наставления от мужчин, но не могла выступать их наставницей.

7) Проведенный анализ позволяет выделить следующие характерные черты в модели эпистолярного духовного наставничества по отношению к женщинам:

а) Пять традиционных функций духовного отца являлись основой для выстраивания эпистолярной коммуникации. Духовное чадо формировало вопрос и создавало собственное эпистолярное повествование, исходя из набора функций, приписываемых адресату-духовнику. Духовник выстраивал свой ответ в рамках тех же перечисленных функций.

б) Задача коммуникативного обмена «духовный отец – духовная дочь» заключалась не столько в передаче информации и эмоциональном обмене (что типично для «светской» эпистолографии), но сколько в проведении душевной и духовной терапии и в формировании наставления, которое включало в себя как анализ чувств и переживаний духовного чада-корреспондента, так и советы по управлению ими согласно аскетической традиции.

в) Детализированные описания чувств и их подробная интерпретация были нацелены на постепенное достижение духовной дочерью наивысшего состояния духовного обожения.

г) Нередко духовники-эпистолографы формировали нравственное поучение, отталкиваясь от конкретных ситуаций, переживаемых их духовными ученицами. Бытовые случаи подвергались абстрагирующей редукции в рамках византийской аскетической теории эмоций.

Список публикаций по теме диссертации

Научные статьи по теме диссертационного исследования, опубликованные в журналах, индексируемых в базе ядра Российского индекса научного цитирования «eLibrary Science Index», а также в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 5.6.2. Всеобщая история:

1. Матвеева А.С. Эмоции в корреспонденции Николая Кавасилы // Византийский временник. 2022. Т. 106. С. 141–153. (1 п.л. импакт-фактор журнала по РИНЦ – 0,306, WoS – JCI – 0,48).
2. Матвеева А.С. «Ученая дружба» женщины и мужчины в контексте византийской эпистолярной практики (на примере писем к Феодоре Раулоне) // Диалог со временем. 2024. Т. 86. С. 93–106. (1,1 п.л., импакт-фактор журнала по РИНЦ – 0,191, WoS – JCI – 0,14). DOI: [10.21267/AQUILO.2024.86.86.004](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.86.86.004).
3. Матвеева А.С. Поздневизантийское духовное наставничество в письмах митрополита Халкидонского к монахине Евлогии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2024. Т. 119. С. 11–28. (1,4 п.л., импакт-фактор журнала по РИНЦ – 0,314). DOI: [10.15382/sturII2024119.11-28](https://doi.org/10.15382/sturII2024119.11-28).
4. Матвеева А.С. Монах и город: проблема монашеского безмолвия (ἡσυχία) в переписке Ирины Хумнены и Григория Акиндина // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15. № 8 (142). [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840032044-7-1/> (1,2 п.л., импакт-фактор журнала по РИНЦ – 0,125, WoS – JCI – 0,44). DOI: [10.18254/S207987840032044-7](https://doi.org/10.18254/S207987840032044-7).